

ОШИБКА СМЕРТИ

Стихи его в большинстве мне кажутся ужасными. Это хаотичное нагромождение случайных образов, в котором обворожительно тонкие определения завалены замысловатым мусором. Очень неуклюжие грамматические фантазии. Он препарировал слова, как дитя лягушек, не ведая, что они живые. По прочтении отдельных опусов у меня мелькает иногда дикое подозрение, что Хлебников был глух к звучанию слов вообще.

Логика для него всегда оказывалась превыше поэзии; его не смущало фонетическое уродство и нелепые смысловые аллюзии придуманных словообразований – ведь за ними стояла ясная и стройная концепция. Один стих про смехачей какой страшный. Куда там смех – там свист плетки в каждой строке. И это неинтересно понимать, на самом деле, – у человека свои какие-то были в саду кузнечики, он их ловил самозабвенно и воспитывал, и это никого не касается.

Но вот посреди этого фанатичного и интровертного формотворчества лежит «Ка». Или про лягушечку стих. Или какие-то другие, чудесные образные прозрения, нездешним светом сияющие посреди заумного хлама. Они такие легкие, такие беспричинные – как птицы, случайно залетевшие в комнату. Они кружат воображение, эти странные поэтические предметы.

Его фантазии ошеломляют своей наивностью: предположения о происхождении и скрытом смысле слов, об устройстве общего для всех народов космического языка – напоминают рассуждения средневекового монаха, без колебаний пускающегося разъяснять конструкцию мироздания с помощью реалий того узкого мирка, в котором заключено его собственное нехитрое существование.

Божий человек. Автор серьезной орнитологической статьи о новой разновидности кукушки, открытой в научной экспедиции, многолетних разысканий на тему природы числ и оправдания смерти, и прочувствованного письма к министру о преодолении времени. Язык образов служил ему как палка слепому. Словами он нащупывал шаги. Один, другой.

Он жил как дервиш, странствуя по своей параллельной реальности, и лишь изредка навещался оттуда за продовольствием. Не сумасшедший, нет. Просто из другого мира. Не думаю, что это был мир поэзии. Но из нашего угловатого пространства так трудно что-то разглядеть наверняка.